

Гондла. Николай Степанович Гумилев

Драматическая поэма в четырех действиях

Действующие лица Старый конунг, один из исландских властителей. Снорре, Груббе – его ярлы. Лаге (сын Гер-Педера), Ахти – молодые исландцы. Гондла, ирландский королевич на воспитании у конунга. Лера, она же Лаик, знатная исландская девушка. Вождь ирландского народа. Ирландские воины. Рабы.

Действие происходит в Исландии в IX веке.

Вместо предисловия

В Исландии, на этом далеком северном острове, принадлежащем скорее Новому, чем Старому, свету, столкнулись в IX веке две оригинальные, нам одинаково-чуждые культуры – норманнская и кельтская. Там, почти под северным полярным кругом, встретились скандинавские воины-викинги и ирландские монахи-отшельники, одни вооруженные – мечом и боевым топором, другие – монашеским посохом и священной книгой.

Эта случайная встреча предопределила, казалось, всю дальнейшую историю острова: историю духовной борьбы меча с Евангелием, которое Переродило мощных морских королей IX века в мирных собирателей гагачьего пуха, рыболовов и пастухов наших дней.

С. Н. Сыромятников

Первобытный германец возмущает нас своей беспредметной грубостью, этой любовью ко злу, которая делает его умным и сильным только для ненависти и вреда. Богатырь кельтский, напротив, в своих странных уклонениях всегда руководился привычками благоволения и живого сочувствия к слабым. Это чувство – одно из самых глубоких народов кельтских, они имели жалость даже к самому Иуде...

Ренан[1] Действие первое Широкий полутемный коридор рядом с пиршественной залой; несколько окон и дверь в спальню Леры. Поздно.

Сцена первая Конунг, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти выходят из пиршественной залы.

Конунг

Выпит досуха кубок венчальный, Съеден дочиста свадебный бык, Отчего ж вы сидели печальны На торжественном пире владык? Снорре, Груббе, полярные волки, Лаге, Ахти, волчата мои, Что за странные слышал я толки Пред лицом венценосной любви? Вы шептались о клятве, о мести, О короне с чужой головы, О Гер-Педере... даже к невесте Подходили угрюмыми вы. Лаге

У невесты мерцающий взгляд Был так горько порою затуманен... Ахти

Что ж! жених некрасив и горбат, И к тому же еще христианин. Груббе

Не такого бы ей жениха Мы средь юношей наших сыскали... Снорре

Пусть покорна она и тиха, Но печальнее мы не видали. Конунг

Вы не любите Гондлы, я знаю, Может быть, даже сам не люблю, Но не Гонdle я Леру вручаю, А Ирландии всей королю. С каждым годом становится туже Крепкий узел, сжимающий нас, Слишком злобны норвежские мужи, У шотландца завистливый глаз. Даже скрелинги, псы, а не волки, Нападая ночью порою, Истребили за морем поселки, Обретенные некогда мной. Над своими нас манит победа, Каждый род ополчился на род, Нападает сосед на соседа, Брат на брата с дубиной идет. Над Исландией тучи нависли, И она бы погибла, но я Небывалое дело замыслил – Дать свободной стране короля. Там, в Ирландии, жены, как луны, Мужья ясны, в единстве святом, Ибо скальдов певучие струны Не нахвалятся их королем. Осмотрительно, мудро и тонко Я давал наставленья послам, Чтоб оттуда достать лебеденка Благородного выводка нам. И Гер-Педер, моряк именитый, На холодный исландский утес Из Ирландии, лавром увитой, Королевского сына привез. Гондла вырос, и ныне венчают Гондлу с Лерой Спаситель и Тор, Это волки союз заключают С лебедями спокойных озер. Две страны под единой державой, Два могучих орлиных крыла Устремятся за громкою славой Непреклонною волей орла. Груббе

Только кровь в нем, о конунг, не наша, Слаб в бою он и в играх ленив... Снорре

Но Ирландия – полная чаша Виноградников, пастбищ и нив. Конунг уходит.

Сцена вторая Снорре, Груббе, Лаге, Ахти хохочут.

Лаге

Гондла! Гондла, властитель великий! Ахти

Ну наделал Гер-Педер хлопот! Снорре

Не признаем его мы владыкой, Но, быть может, признает народ. Ахти

А когда мы откроем народу Все, что знаем об этом щенке, Кто такой он, какого он роду, Где он будет, в дворце или реке? Груббе

Гондлу сжить нам пора бы со света, Что нам конунг, ведь мы в стороне, Надоела история эта Подмененных мальчишек и мне. Лаге

Конунг стар. Снорре

Вы же знаете, дети, Что страшней не найти никого, Если б даже десятки столетий Навалились на плечи его. Он походкой неспешной, чугунной Сорок тысяч датчан раздавил И, единственный в целой подлунной, На таинственный полюс ступил. Никогда вы его не могли бы О пощаде за ложь умолить, Пусть сожрали Гер-Педера рыбы, Старый Снорре надеется жить. Лаге

А безумье сегодняшней свадьбы! Мы ведь знаем, кто Лерина мать... Снорре, может быть, это сказать бы? Снорре

И об этом нам надо молчать. Груббе

Яд помог бы нам в нашей заботе, Так чтоб в смерть перешло забытье. Лаге

И бывает еще: на охоте Не туда попадает копьё. Ахти

Нет, я шутку придумал другую: Гондла все-таки духом высок, Нанесем ему рану такую Прямо в сердце, чтоб встать он не мог. Только Лера окажется в спальне И погасит огонь ночника, Я беседой искусной и дальней Задержу жениха-простяка, Этим временем Лаге к невесте Прoberется и будет молчать, Женский стыд, с боязливостью вместе, Не дадут ей обмана понять. И для Гондлы, вы знаете сами, Станет мир тяжелее тюрьмы... Над союзом волков с лебедями Нахохочемся досыта мы. Снорре

Верно! Этой обиды не может Самый низкий мужчина снести. Груббе

Если душу подобное гложет, То от смерти ее не спасти. Лаге

И наверное, милая Лера Свой смирить догадается гнев, Ведь еще не бывало примера, Чтоб пленяли горбатые дев. Ахти

Чу, идут! Расходитесь скорее, Лаге здесь, остальные сюда! Груббе

Лет хоть на тридцать будь я свежее, Я бы с Лаге поспорил тогда. Скрываются.

Сцена третья Входят Гондла и Лера.

Гондла

Лера, Лера, надменная дева, Ты, как прежде, бежишь от меня! Лера

Я боюсь, как небесного гнева, Глаз твоих голубого огня. Гондла

Ты боишься? Возможно ли это? Ведь не ты ли бывала всегда Весела, как могучее лето, И вольна, как морская вода? И не ты ли охоты водила На своем вороном скакуне И цветов никогда не дарила, Никогда одинокому мне? Лера

Вспоминаешь ты Леру дневную, Что от солнца бывает пьяна, А печальную Лаик ночную Знает только седая луна. Гондла

Лаик... странное, сладкое имя... Лера

Так звала меня некогда мать, Из Ирландии родом. Такими Именами не здесь называть! Гондла

Это имя мне дивно знакомо, И такая знакомая ты, И такая на сердце истома От сверканья твоей красоты! Ты не любишь меня, ты смеялась Над уродливым Гондлой всегда... Лера

Но когда я одна оставалась, Я так горько рыдала тогда. Для чего-то слепыми ночами Уверяла лукавая мгла, Что не горб у тебя за плечами – Два серебряно-белых крыла, И что родина наша не эта Ненавистная сердцу тюрьма, А страна, где зеленое лето Никогда не сменяет зима. Днем все иначе. Боги неволят Леру быть и веселой, и злой, Ликовать, если рубят и колют, И смеяться над Лаик ночной. Гондла

Дорогая, какое безумье, Огневое безумье любви! Где вы, долгие годы раздумья, Чуть запела горячая кровь! Что мне гордая Лера дневная На огромном вспененном коне, Ты не Лера, ты девочка Лаик, Одинокая в этой стране. Лера

Как ты бледен и смотришь, маня... Неужели ты любишь меня? Гондла

Я так вольно и сладко люблю, Словно отдал себя кораблю, А с тобой я еще не слыхал, Как шумит набегающий вал. И совсем не морские слова Ты сказала с волшебной тоской, Я внимал им, но понял едва, Я услышал в них ветер морской. Значит, правда открылась святым, Что за бредами в нашей крови И за миром, за миром земным Есть свободное море любви. Серафимы стоят у руля Пестропарусных легких ладей, А вдали зеленеет земля В снеговой белизне лебедей. Сердце слышит, как плещет вода, Сердце бьется, как птица в руке, Там Мария, Морская Звезда, На высоком стоит маяке. Лера

Ты бледнеешь опять, ты дрожишь... Что с тобой, королевич мой белый? Ты прекрасен, когда говоришь, Ты как Бальдер, бросающий стрелы. Гондла

Ночь летит и летит на закат, Ночи летние песни короче, Вон, за окнами совы кружат, Эти тихие горлинки ночи. Ах, к таинственной спальне твоей Я сегодня пройду за тобою, И любимая станет моей, Самой близкой и самой родною. Лера

Только, милый, не сразу входи, Умоляю тебя, подожди, Это глупое сердце в груди, Что боится еще, пощади. Скрывается за дверь; входит Ахти.

Сцена четвертая Гондла и Ахти

Ахти

Королевич, большую услугу Ты бы мог мне теперь оказать... Гондла

Это Ахти? Старинному другу, Другу детства готов я внимать. Помнишь, между рябин, по дорожке Мы взбегали на каменный вал, Ты так часто мне ставил подножки, Я срывался, а ты хохотал. Лаге у него за спиной прокрадывается к Лере.

Ахти

(смеется)

Это Лаге. Гондла

Конечно, и Лаге. Он со мной был особенно груб. Как дивился его я отваге И улыбке насмешливых губ! Быстроглазый, большой, смуглолицый, Всех красивей, сильней и смелей, Он казался мне хищною птицей, Ты же – волком исландских полей. Странно! Был я и хилый, и дикий, Всех боялся и плакал всегда, А над сильными буду владыкой, И невеста моя, как звезда. Ахти

В день, когда ты получишь державу И властителем станешь вполне, Ты наверно получишь облаву Небывалую в нашей стране? Гондла

Я люблю, чтоб спокойно бродили Серны в рощах, щипля зелены; Слишком долго и злобно травили, Точно дикую серну, меня. Ахти

Ну, тогда ты поднимешь дружину И войною пойдешь на датчан? Хорошо королевскому сыну Опорожнить на поле колчан. Гондла

Ахти, мальчик жестокий и глупый, Знай, что больше не будет войны, Для чего безобразные трупы На коврах многоцветных весны? Ахти

Понял. Все мы узнаем на деле, Что отраднo веселье одно, Что милы и седые метели, Если женщины пеняют вино. Гондла

Все вы, сильны, красивы и прямы, За горбатым пойдете за мной, Чтобы строить высокие храмы Над грозящей очам крутизной. Слышу, слышу, как льется победный, Мерный благовест с диких высот, То не колокол гулкий и медный – Лебединое сердце поет. Поднимаются тонкие шпильи (Их не ведали наши отцы) – Лебединых сверкающих крылий Устремленные в небо концы. И окажется правдой поверье, Что земля хороша и свята, Что она – золотое преддверье Огнезарного Дома Христа. (Как бы очнувшись.)

Ты просил о какой-то услуге? Ахти

Ты уже оказал мне ее. Что же медлишь нести ты к подруге Лебединое сердце свое? (Уходит, смеясь.)

Гондла медленно входит к Лере. Шум. Гондла и Лаге вылетают, сцепившись. В дверях Лера в ночной одежде закрывает лицо руками. Вбегают Снорре, Груббе и Ахти.

Сцена пятая Гондла, Лера, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

Лаге

Как? Ты думаешь драться со мною, Хочешь силу изведать мою, Так прощайся, цыпленок, с землей, Потому что тебя я убью. Бросает Гондлу на пол; его удерживают.

Гондла

Где он, где он, мой камень надгробный? Как ты в спальню невесты проник? Кто ты? Волк ненавистный и злобный Иль мой собственный страшный двойник? Лаге

Ночью кошки и черные серы, А отважным удачливый путь! Что за нежные губы у Леры И какая высокая грудь! Снорре

Гондла умер. Лера

Любимый, любимый, Я не вынесу этих скорбей, Ты живи, небесами хранимый, А меня пожалей и убей... Гондла

(вдруг поднимаясь)

Нет, я часто пугался пустого, И сейчас это, может быть, бред, Старый конунг последнего слова Не сказал, многознающий, нет! Боль найдет неожиданной тучей И, как туча, рассеется боль... Гондла умер? Нет, Гондла живучий, Гондла ваш перед Богом король! Действие второе Двор замка, освещенный воткнутыми в стену факелами. Ночь еще продолжается.

Сцена первая Конунг сидит в креслах; по обе стороны от него Снорре и Груббе; напротив, Лаге и Ахти, и отдельно от них Гондла.

Конунг

Разве может быть суд пред рассветом? Солнце – лучший свидетель судьи, Королевич, подумав об этом, Отложи обвиненья твои. Гондла

Как сумели бы стать правосудней Правосудные вечно уста! Словно солнце июльских полудней, Засияет моя правота. Насмеявшись над правдой нетленной И законом исландской земли, Над моею короной священной Дерзко руку враги занесли. Я, как раненый лебедь в овраге, Мне и муки и смерти больней, Что сегодня насмешливый Лаге Спал с прекрасной невестой моей. Ненавистный, он брата ей ближе, Он один ее видел нагой... Защити же меня, защити же, О могучий, от пытки такой. Пусть не ведает мщенье предела: Привяжи его к конским хвостам, Чтоб его ненасытное тело Разметалось по острым кустам. А потом запрети для примера Даже имя его называть, Чтобы я и несчастная Лера Друг на друга посмели взирать. Конунг

(к Лаге)

Что ты скажешь в свое оправданье, Человек неправдивый и злой, И какого ты ждешь наказанья За поступок несслыханный твой? Лаге

Государь, я с простыми словами Появляюсь пред взором судей, Нас недаром прозвали волками Здесь, в отчизне твоей и моей. Что для девушки Гондла? Из меди Сердце Леры, и голос как рог, Я же часто косматых медведей Для нее поднимал из берлог. Что я сделал, то сделал по праву, Гондла слаб, я и смел и силен, Нашим предкам бессмертную славу Этот волчий доставил закон. Конунг

(к Снорре и Груббе)

Ярлы, ум ваш и ясен и зорок, Так судите ж обиду и боль, Позабыв и что Лаге вам дорог, И что Гондла ирландский король. Снорре

Повелось по старинным обычьям, Если двое полюбят одну, То, не внемля причудам девичьим, Начинают друг с другом войну. Груббе

Это верно! Так было и будет, Как о правде другой ни кричи! Если люди людей не рассудят, Их наверно рассудят мечи. Конунг

Гондла, слышал решение такое? Справедливым считаю и я, Что выходит герой на героя И копьё не бежит от копья. Мы твоей подивимся отваге, Лера доблесть оценит твою, Если Лаге, могучего Лаге, Ты повергнешь в открытом бою. Крепче стой! Я пред всеми отвечу За огонь в королевской крови. Неудержно бросается в сечу, Кто достоин девичьей любви. Помню, утром сияла пустыня, Где Марстана я бросил в песок, Сердце дрогнуло, словно богиня Протянула мне вспененный рог. А когда вместе с Эйриком Красным Я норвежцев погнал ввечеру, День казался мне столь же прекрасным, Как на самом роскошном пиру. Гондла

Конунг, судьи, вы знаете... Конунг

Что же? Гондла

Я горбат, вы забыли про то. По закону калеку не может К поединку принудить никто. Конунг

Дело бранное дивно и чудно, Смерть бежит от стремящихся в бой, Почему же бывает так трудно Трусу панцирь надеть боевой? Гондла

К правосудью, судья, к правосудью! Удержи эту лживую речь, Или я королевскою грудью Упаду на отточенный меч. Поединок бессмыслен, а славу Получает в народе простом Царь, кладущий копьё и державу Покрывающий крепким щитом. Конунг

Не любовник, не царь и не воин... Бьется ль сердце в подобной груди? Ты короны своей недостоин, Мы тебя не хотим. Уходи. (Выходит.)

Гондла

(ему вслед)

Волк, и с поступью легкою, волчьей! Я воды у него попросил, Он же уксусом, смертною желчью, Мой запекшийся рот оросил. Сцена вторая Те же без конунга

Гондла

Ярлы, к вам обращается правый, Обвиненный в неправом суде, Не теряйте прадедовской славы, Вновь ее не найдете нигде. Осужденный судебным решением, Опрокинутый вражьем мечом, Эгиль голову выкупил пеньем, Пред норвежским представ королем. Лютню мне! Лебединые саги Вам о роде моем я спою, Если знает такие же Лаге, Жизнь и честь отнимите мою. Груbbe

Ты не знаешь, какого ты рода, Несуразный птенец и смешной, Поливают у нас огороды Королевскою кровью такой. Лаге

Где ты принцев видал, чтоб умели Лишь судиться, играть и рыдать, Опоздали к девичьей постели И меча не посмели поднять? Снорре

Удивил бы тебя я безмерно, Рассказавши о роде твоём, Если б ведал, что конунг наверно Никогда не узнает о том. Гондла

Лютню! Лютню! Исчезнет злословье, Как ночного тумана струи, Лишь польются мои славословья, Лебединые песни мои. Ахти

(протягивая лютню)

Эта лютня всегда приносила Славу самым плохим игрокам, В ней сокрыта волшебная сила Сердце радовать даже волкам. Гондла

(играет и пробует петь)

Разгорается звездное пламя... Нет, не то! – На морском берегу... Ах, слова не идут мне на память, Я играю, а петь не могу. Ахти

Ну, теперь мы увидим потеху! Эта лютня из финской страны, Эту лютню сложили для смеху, На забаву волкам колдуны. Знай же: где бы ты ни был, несчастный, В поле, в доме ли с лютней такой, Ты повсюду услышишь ужасный, Волчий, тихий, пугающий вой. Будут волки ходить за тобою И в глаза тебе зорко глядеть, Чтобы, занятый дивной игрою, Ты не мог, ты не смел ослабеть. Но когда-нибудь ты ослабеешь, Дрогнешь, лютню опустишь чуть-чуть И, смятенный, уже не успеешь Ни вскричать, ни взглянуть, ни вздохнуть. Волки жаждали этого часа, Он назначен им был искони, Лебединогo сладкого мяса Так давно не терзали они. Слышен волчий вой. Гондла в ужасе убегает, продолжая играть. Остальные прислушиваются.

Лаге

Ты уверен ли в лютне? Ахти

Еще бы! Хоть двойное заклатье на ней, Но от волчьей, от алчущей злобы Никогда не уйдет дуралей. Сцена третья Те же без Гондлы.

Лаге

Что за диво? Неясные звуки И тревожат меня, и томят. Снорре

Я как будто проснулся от скуки И чему-то мучительно рад. Груbbe

Этот Гондла придумает вечно, Как ему стариков огорчить. Ахти

Я доволен собой бесконечно, Но зато не могу не завывать. Воет; все переглядываются.

Снорре

Брат, ты слышишь? Качается вереск, Пахнет кровью прохлада лугов. Груббе

Серый брат мой, ты слышишь? На берег Вышли козы, боятся волков. Снорре

Под пушистую шерстью вольнее Бьется сердце пустынных владык. Груббе

Зубы белые ранят сильнее Крепкой стали рогатин и пик. Лаге

Надоели мне эти кафтаны! Что, не станем мы сами собой? Побежим, побежим на поляны, Окропленные свежей росой. Ахти

Задохнемся от радостной злости, Будем выть в опустелых полях, Вырывать позабытые кости На высоких могильных холмах. Груббе

Гондлу выследим. Лаге нагонит, Снорре с Ахти наскочат сам-друг. Ахти

Но не прежде, чем лютно уронит, Гондла лютно уронит из рук. Убегают, входит Гондла, играя.

Сцена четвертая Гондла один.

Гондла

Обманули меня. Насмеялись Над горбатым своим королем. А когда-то друзьями казались, Дом их был мой единственный дом. Вой все ближе, унылый, грозящий, Гаснет взор, костенеет рука, Сердце бьется тревожней и чаще, И такая, такая тоска! Но зачем я стою у порога, Если прямо среди дымных полей Для меня протянулась дорога К лебединой отчизне моей? Только стану на берег зеленый, Крикну: лебеди, где вы? Я тут! – Колокольные ясные звоны Нежно сердце мое разобьют. И, не слушая волчьей угрозы, Буду близкими я погребен, Чтоб из губ моих выросли розы, Из груди – многолиственный клен. А потом лебединая стая Будет петь надо мною всегда Про печальную девочку Лаик, Что моей не была никогда. Хочет уйти. Вбегает Лера.

Сцена пятая

Гондла и Лера

Лера

Гондла, Гондла, меня оскорбляли, Угрожали держать взаперти, Я свивалась узлом от печали, Но к тебе не могла не прийти. Гондла

Ты пришла? Разве ты не слыхала? Я изгнанник, я всеми травим, А одна диадема пристала Ослепительным кудрям твоим. Лера

Я пока еще Лаик, не Лера, Я верна обещаньям любви, Хоть рассветное небо и серо, Зажигая безумье в крови. Ах, коснись меня нежной рукою, Защити от меня же самой, Не возлюбленной, только сестрою, Я ведь смею идти за тобой. Опускается перед ним на колени. Гондла поднимает ее.

Гондла

Ты улыбка Господня. Мы оба Из великой семьи лебедей. Для тебя я восстал бы из гроба, За тебя я прощаю людей. Лера

Ты не знаешь про новое горе: Мы от гибели были близки, Я заметила когти у Снорре, А у Груббе большие клыки. Все они собрались в ожиданьи, Помнишь, в старый заброшенный ров, Там колдун говорил заклинанье, Чтоб совсем превратить их в волков. Красной кровью наполнены чаши, Что-то варится в медных котлах... Унеси меня к родине нашей На своих лебединых крылах. Действие третье Глухой лес. Июльский полдень.

Сцена первая Входят Лера и Гондла с лютней.

По-прежнему в отдалении слышен волчий вой.

Лера

С добела раскаленного неба Словно льются потоки огня... Ты не взял ни орехов, ни хлеба И голодной оставил меня. Гондла

Лаик... Лера

Нет, называй меня Лерой, Я живу на земле, не в гробу, Счастье меряю полною мерой И за горло хватаю судьбу. Гондла

Счастья мера, а муки безмерность – Вот вся жизнь; но я жив, не таю, Чтоб узнать благородную верность, Лебединую нежность твою. Лера

Королевич, условиться надо: Я не буду твоей никогда, Между нами навеки преграда Из девичьего встала стыда, Нет, я буду могучей, спокойной, Рассудительной, честной женой И царицей, короны достойной, Над твоею великой страной. Да, царицей! Ты слабый, ты хилый, Утомлен и тревожен всегда, А мои непочатые силы Королевского ищут труда. Гондла

Я согласен. Пусть Лера дневная Управляет на троне моем, С ненаглядною девочкой Лаик Ночью будем мы плакать вдвоем. Лера

Только солнце опустится в море И наступит таинственный час, За дверьми на тяжелом затворе Лаик будет сокрыта от глаз. Гондла

Ты жестока ко мне. Ты не видишь, Я уже не похож на людей, Неужели ты также обидишь И веселых моих лебедей? Лера

Королевич, поверь, что не хуже Твоего будет царство мое, Ведь в Ирландии сильные мужи И в руках их могуче копьё. Я приду к ним, как лебедь кровавый, Напою их бессмертным вином Боевой ослепительной славы И заставлю мечтать об одном: Чтобы кровь пламенела повсюду, Чтобы сёла вставали в огне... Я сама, как валкирия, буду Перед строем летать на коне. Гондла

Лера! Нет... что сказать ты хотела? Вспомни, лебеди верят в Христа... Горе, если для черного дела Лебединая кровь пролита. Лера

Там увидим. А солнце все злее, Отдохнуть нам, пожалуй, пора. Гондла

Я воды принесу посвежее И посуше ветвей для костра. (Уходит).

Сцена вторая Лера и Лаге, который входит.

Лаге

Лера. Лера

Дерзкий, ты можешь? Ты смеешь? Лаге

Да, я смею. Тебя я люблю. Лера

Дай мне меч твой, дай меч мне скорее, И тебя я сейчас заколю. Лаге

Если хочешь, возьми. Мне не внове Забавляться опасной игрой. Солнцу летнему хочется крови, В нас вселяет безумие зной. Лера

Злобный волк! Лаге

Мне приятны проклятья, Жизнь дешевле твоей красоты, И в последнем предсмертном объятьи Будешь сжата единая ты. Лера

Что ты хочешь? Лаге

От Леры и боли. Лера

Ты меня не любил, ты был груб. Лаге

Да, тебя не любил я, доколе Я твоих не почувствовал губ. Не забыть твоего поцелуя, Пусть я волк, ты – волчица моя, И тебя никогда не пуцую я Ни в какие иные края. Лера

Уходи. Лаге

Я уйду, но с тобою. Лера

Гондла может вернуться. Лаге

Ну что ж? Иль для Гондлы ты стала рабою, За горбатым повсюду пойдешь? Лера

Я жена королевича. Смело Перед всеми скажу я о том, И корона Ирландии целой Наградит мою верность потом. Лаге

Не отвечу на это ни слова, Хоть и многое мог бы сказать, Только муж ли тебе он? Другого Ты тогда не могла б обнимать. Лера

Лаге, Лаге, какими словами, Как меня оскорбить ты готов? Лаге

Лера, все, что случается с нами, Происходит по воле богов. Сильный Тор опьянил меня страстью, Фрея в спальню твою привела, Волк Фенрир с угрожающей пастью Сторожил, как моей ты была. Пусть уйдешь ты далеко, пусть кинешь Небожителей наших и нас, Но из памяти разве ты вынешь Тот жестокий и сладостный час? Лера

Ты был страшен тогда; мне казалось, Что огонь пожирает меня. Лаге

Ты смотрела и ты улыбалась Веселей и страшнее огня. Лера

Выжди, Лаге, позволь воцариться Мне в богатой и сильной стране И тогда, как кочующий рыцарь, Приходи откровенно ко мне. Лаге

Да, но ты поцелуешь сначала, Поцелуешь меня, как тогда... Лера

Нет, не надо. Лаге

Ведь ты обещала... Лера, помнишь ли прошлое? Лера

(целуя его)

Да. Входит Гондла.

Сцена третья Лера, Лаге, Гондла, потом Груббе.

Гондла

Лаге? Лаге опять? На колени! Я король, пресмыкайся, змея! Лера

Нам не надо твоих повелений, Ведь корона моя, не твоя. Гондла

(не слушая)

Вот теперь-то добьюсь я ответа От тебя, возмущившийся раб! Лаге

Посмотрю, как ты сделаешь это; Мы в лесу, я с мечом и не слаб. Гондла

Честь мою не унижу я спором, Лютню брошу, себя погубя, И падет небывалым позором Королевская кровь на тебя. Лера

(к Лаге)

Уходи же! Лаге

Но ты обманулась, Никаких здесь властителей нет! Эта шутка и так затянулась На пятнадцать без малого лет. Гондла

Что за ложь? Лера

Я понять бы хотела... Лаге

(указывая на входящего Груббе)

Груббе все рассказать вам готов, Очевидец нелепого дела На одном из старинных судов. Груббе

Расскажу. Что отрадней былого Для такого, как я, старика? Лере в пользу пойдет это слово И вдобавок унижит щенка. Помню, помню, как злилась пучина, Мы с Гер-Педером рвали волну, Увозя королевского сына Из Ирландии в волчью страну. Сам король отпустил лебеденка, Но Гер-Педер, затейник пустой, Взял с собой и другого ребенка, Некрасивого, крови простой. С ним за это поспорил бы каждый, Но Гер-Педер был друг мне, не лгу, Мы варили кита не однажды С ним, на Страшном живя Берегу. С нами ехал и маленький Лаге, Сын любимый Гер-Педера, он Раз делил с королевичем флаги, Поднял ссору и, вмиг обозлен, Бросил бедного мальчика в море. – И беде не сумели помочь Ни Гер-Педер, ни я и ни Снорре, Потому что надвинулась ночь. До утра бушевала пучина, И Гер-Педер молчал до утра, – Все он видел, как голову сына Отсекает удар топора. А на утро сказал: «Лебеденка Все равно мы теперь не вернем, Так давайте другого ребенка Королевичем мы назовем». Он молил нас, и мы согласились Неразумного Лаге спасти, Дальше поплыли, ветры бесились, Как гуляки, у нас на пути. Связки молний пылали на небе, И до тучи доплескивал вал; Мы гадали по книге, и жребий На Гер-Педера трижды упал. И его мы швырнули в пучину, Но сперва поклялись перед ним, Что подложному царскому сыну Мы жестоко за все отомстим. Гондла

(быстро)

Кто отец мой? Груббе

Бродячий, ничтожный Скальд, забыли теперь про него. Гондла

Кто же мать моя? Груббе

Нет, осторожно, Больше я не скажу ничего (К Лере.)

Вот, короной венчан шутовскою, Он поднять не осмелится глаз. Лера

Груббе, Лаге, оставьте со мною Эту... этого... Гондлу сейчас Груббе и Лаге выходят.

Сцена четвертая Лера и Гондла.

Лера

Что же, друг? Ты обманно назвался Королевичем? Значит, ты вор? Ты корону мне дать обещался, А даешь только боль и позор. Полно! Есть и глумлению мера, Не превысит ее человек! Иль ты думал, что глупая Лера, Как развратница, любит калек? Что рожденной отцом благородным Так уж лестно покинуть свой дом И повсюду идти за негодным Нищим, может быть, даже рабом? Где же лютня? Играй. Так уныло Воют волки в полях и лесах, Я тебя до сих пор не убила, Потому что мне дорог твой страх. Но ничто не бывает, ты знаешь, Окончательным, даже беда... Например: если ты утверждаешь, Что король ты и был им всегда, – Кто помеха тебе в этом деле? Снорре, Груббе? Их можно убрать. Лаге с нами. Мы б верно сумели Властелинами заново стать. Гондла

Там, в стране, только духам известной, Заждались короля своего, Мой венец не земной, а небесный, Лаик, терны – алмазы его. Лера

Так? Ну, помни обет мой веселый: Чуть погаснет на западе луч, Лаик будет за дверью тяжелой, И у Лаге окажется ключ. Он войдет к ней, ее он измучит Ненасытным желаньем мужским. Он ее наслаждаться научит, И смирится она перед ним. И на месте тоскующей Лаик Будет Лера и ночью, и днем, Неустанно тебя проклиная, Называя трусливым щенком. (Кричит.)

Где вы, сильные, волки, не люди? Пусть же когти пустынных владык Вырвут низкое сердце из груди, Из гортани лукавый язык. Показываются Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

Вот смотрите, он голову клонит. Кто убьет его, будет мне друг... Ахти

Но не прежде, чем лютию уронит, Гондла лютию уронит из рук. Сцена пятая Лера, Гондла, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

Лера

Сладко мне улыбнуться героям! Груббе

Не бывало подобной жары, Жилы словно наполнены зноом, И в глазах огневые шары. Снорре

Мы оленя убили, тяжелый, Словно лошадь, достанет на всех. Ахти

Я же браги хмельной и веселой Захватил полуведерный мех. Все, кроме Гондлы, садятся.

Лаге

Гондла, живо костер! Поднимаю Первый кубок за Леру мою. Снорре, Груббе и Ахти

Пьем за Леру мы все! Лера

Принимаю И за Лаге могучего пью. Ахти

(втаскивая оленью тушу)

Вот олень. Жира, жира-то сколько! Ну, волкам не пропасть без еды. Лаге

Сердце – Лере. Ахти

Конечно, но только Прежде вымою. Гондла, воды! Лаге

Ах, вино мне удвоило силы. Лера

Я любовью и солнцем пьяна, Этой ночью, не правда ли, милый, Ты придешь ко мне? Лаге

(обнимая ее)

Гондла, вина! Снорре, Груббе и Ахти

Гондла, музыки! Лютия такая Для чего у тебя, нелюдим? Целый день проведешь ты, играя, А под вечер тебя мы съедим. Лаге

(наклоняясь к Лере)

Как мучительно рот мой находит Твой кровавый, смеющийся рот! Лера

Посмотрите, горбатый уходит. Ахти

Ну, далеко от нас не уйдет. Действие четвертое Лес на берегу моря. Большие утесы. Вечер.

Сцена первая Гондла один, потом отряд ирландцев с вождем во главе.

Гондла

Не пойму, это солнце на небе, Или боль просияла моя? Не пойму, человек или лебедь, Лебедь с сердцем проколотым я? Нет, я царь этих дебрей суровых, И меня коронует Христос Диадемою листьев кленовых И росой обрызганных роз. О, когда бы враги посмотрели, Как мне кланялась эта скала, Как молили меня эти ели Защитить их от всякого зла! Если сан мой признала природа, То они ли поспорят о том, О царе лебединого рода И с проколотым сердцем притом? Входят ирландцы.

Вождь

Словно место недавних пожарищ Этот лес иль убийств потайных... Как пройти нам к проселку, товарищ? Закружились мы в дебрях твоих. Гондла

Что хотите вы делать в поселке, Люди-лебеди, братья мои? Там живут беспощадные волки, Осквернители милой любви. Вождь

Он безумный, не будем смеяться И с собою его уведем. (К Гондле.)

Знай, нам нужно в поселок пробраться За своим молодым королем. Гондла

Я король ваш. Вождь

Он вовсе безумный. Гондла

Что, скажите, в родимой стране Так же ль трубы архангелов шумны, Звезды так же ль глубоко на дне? Что Георгий? В заоблачных долах С Пантелеймоном друг и сейчас? Двое юношей знатных, веселых, Утешители ангельских глаз. Магдалина от скорби предвечной Отдохнула ли львиной душой? Брат Христов Иоанн? Он, конечно, Апокалипсис пишет второй. Вождь

Бедный ум, возалкавший о чуде, Все мы молимся этим святым, Но, простые ирландские люди, Никогда не входили мы к ним. Выходят Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

Сцена вторая Гондла, вождь, ирландские воины, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти.

Ахти

Гондла, что же ты бродишь лентяем, Почему эта лютня молчит? Груббе

Мы немедля тебя растерзаем. Лаге

Иль играй, или будешь убит. Гондла

Нет, я больше волкам не играю, Я живу в огнезарном раю, Не допрыгнуть вам к этому раю, Только лютню возьмите свою. Кидает к их ногам лютню. Они бросаются на него.

Вождь

(ирландцам)

Братья, вступимся, он христианин И, наверно, из нашей страны. Ирландцы отбрасывают исландцев.

Снорре

Горе нам! Груббе

Я повержен. Лаге

Я ранен. Ахти

Лебединые клювы сильны. Вождь

Вы хорьки, вы трусливые души, На безумного бросились вы: Разве мало вам крыс и лягушек, Что хотите его головы! Снорре

Этот юноша, бледный и странный, Был судим справедливым судом И был изгнан. Назвался обманно Он Ирландии всей королем. Вождь

Как, не он ли к исландским равнинам Был когда-то от нас увезен, Чтобы, выросши, стать господином Над союзом обоих племен? Груббе

Не товарищ булыжник орешку! Двух младенцев Гер-Педер увез, Королевич погиб, и в насмешку Королевичем назван был пес. Вождь

(к Гондле)

Государь, мы тебя не узнали, Не суди же покорных рабов, Но скажи, чтобы мы разметали Этих низких и злобных волков. Гондла

Я король в небесах, я изведал, Полюбил огнекрылую боль, Но вам истину Груббе поведал, Что в Ирландии я не король. Вождь

Наступили тяжелые годы, Как утратили мы короля, И за призраком легкой свободы Погналась неразумно земля. Мы наскучили шумом бесплодным, И был выбран тогда наконец Королем на собраньи народном Вольный скальд, твой великий отец. Он нам дал небывалую славу И, когда наконец опочил, Пурпур мантии, скипетр, державу Он тебе передать поручил. Надевает на Гондлу мантию, передает ему скипетр и державу.

Груббе

Мы еще не слыхали об этом. Лаге

Значит все-таки Гондла король, И корона пронизана светом На кудрях его черных, как смоль. Ахти

Ах, двойному заклатью покорный, Музыкальный магический ход Или к гибели страшной и черной Или к славе звенящей ведет. Входит конунг.

Сцена третья Те же и конунг.

Конунг

Гондла здесь? Не отправился в море? Не утратили мы короля? Так зачем же вещало мне горе Сердце, старое сердце, боля? Дождь над замком пролился кровавый, Плавал в воздухе столб огневой, Перед дверью орел величавый Пал, растерзанный черной совой. Эти страшные знаменья ясно Говорят неземным языком, Что невинный был изгнан напрасно И судим был неправым судом. Гондла

Нет, я звездный король и надзвездный, Что земле я и что мне земля? Лебедям короли бесполезны, И не надо волкам короля! Груббе

Королевич, старинные были Затуманили наши умы, Мы тебя беспощадно травили И о правде не ведали мы. Ты был мальчиком, ныне стал мужем, И корона, корона – твоя, Мы тебе так охотно послужим Острием боевого копья. Ахти

Правда, Ахти не сыщешь лукавей, Но прошу о пощаде и я. Вспомни, Гондла, к короне и славе Привела тебя лютня моя. Под знаменами

станет твоими Вся ночная громада волков, И, клянусь, с лебедями такими Даже я подружиться готов. Лаге

Ты мне друга и брата милее, Я не знаю и сам почему, Ты как будто славнейших славнее И уже непостижен уму. Если скажешь: в нелепое веруй! – Тотчас волю исполню твою. Никогда не увижу я Леру, Если хочешь, себя я убью. Снорре

Гондла, Гондла, на все преступленья Королевскую милость пролей, Знай, ты можешь простить оскорбленье, Нанесенное Лере твоей. Брат с сестрой – вы. Морские пираты Вашу мать в этот край завезли, Для нее и Гер-Гедер когда-то Взял тебя из ирландской земли. Все, я помню, она тосковала И грустила она день и ночь, Все, я помню, крестить умоляла Здесь от волка рожденную дочь. Королевич, подумай, что б стало, Если б Лера твоею была. Наша злоба вас двух сохраняла От богам нестерпимого зла. Вождь

Поднимается ветер вечерний, За утесами видно луну, И по морю из ртути и черни Мы отправимся в нашу страну. Не прощают, мы ведаем сами, За такие обиды и боль, Хоть союза волков с лебедями И хотел наш покойный король. Гондла

Совершилось, я в царской порфире, Три алмаза в короне горят, О любви, о прощеньи, о мире Предо мною враги говорят. Неужели отныне я стану Властелином на двух островах, Улыбаясь в лицо океану, Что их держит на крепких стеблях? Или просто к стране лебединой, К милым кленам и розам уйду, На знакомые сердцу равнины, О которых я плакал в бреду? Нет! Мне тягостно, жалко чего-то, Я о чем-то великом забыл, И, как черная птица, забота Грусть навевала взмахами крыл. Показывается Лера, прячущаяся за деревьями.

Сцена четвертая Те же и Лера.

Вождь

Странный лес, всюду шорохи, стоны, Словно духи в нем бродят всегда; Вон в траве промелькнуло зеленой... Это женщина... женщина, да! Выводит Леру за руку.

Конунг

Это Лера? Ахти

Я требую казни! Лера милую Гондлы была, А смеялась над ним без боязни, С нами ела и с Лаге пила. Груббе

Если женщина мужа не любит, Эту женщину должно убить! Снорре

Всякий радостно злую погубит, Только... Гондлу бы надо спросить. Лера

(простирая руки к Гондле)

Брат, жених, я тебя умоляю, Отправляйся с твоими людьми К лебединому, к белому раю И корону, корону прими. А меня, бесконечно чужую Мысли, сердцу и сну твоему, Посади меня в башню глухую, Брось в глубокую яму-тюрьму, Только так, чтоб вечерней порою Я слышала, как молишься ты. Будет звездами, солнцем, луною Этот звук для моей слепоты. Гондла

Вспомнил, вспомнил! Сиянье во взоре, Небо в лунной волшебной крови И взволнованный голос, и море, Да, свободное море любви! Новый мир, неожиданно милый, Целый мир открывается нам, Чтоб земля, как корабль светлокрылый, Поплыла по спокойным водам. (Берет у вождя меч и поднимает его рукоятью вверх.)

Лера, конунг и волки, сегодня, В день, когда увенчали меня, Я крещу вас во имя Господне, Как наследников Вечного Дня. Белым лилиям райского сада Будет странно увидеть волков... Конунг

(отступая)

Нет, нам нового бога не надо! Снорре, Груббе и Ахти

Мы не выдадим старых богов. Гондла

Вы колеблетесь? Лаик, скорее! Лаик, слышишь архангельский хор? Лера

Ах, мне Бальдера жалко и Фрей, И мне страшен властительный Тор. Гондла

Вы отринули таинство Божье, Вы любить отказались Христа, Да, я знаю, вам нужно подножье Для его пресвятого креста. (Ставит меч себе на грудь.)

Вот оно. Я вином благодати Опьянился и к смерти готов, Я монета, которой Создатель Покупает спасенье волков (Закалывается.)

Лаик, Лаик, какое бессилье! Я одну тебя, Лаик, любил... Надо мною шумящие крылья Налетающих ангельских сил. (Умирает.)

Сцена пятая Те же перед трупом Гондлы.

Вождь

(склоняясь над трупом)

Меч пришелся по жизненной жиле, И ему не поднять головы! (К исландцам.)

Одного лебеденка убили, А другого замучили вы. (Поднимая меч рукоятью вверх.)

Подходите, Христовой любовью Я крещу ненавидящих вас, Ведь недаром невинною кровью Этот меч обагрился сейчас. Исландцы подходят один за другим, целуя рукоять меча.

Конунг

Гондла добыл великую славу И великую дал нам печаль. Снорре

Да, к его костяному составу Подмешала природа и сталь. Груббе

Я не видел, чтоб так умирали В час, когда было все торжеством. Лаге

Наши боги поспорят едва ли С покоряющим смерть Божеством. Ахти

(прячась за других)

Нет мне страшны заклатья эти И в небесный не хочется дом, Я, пожалуй, десяток столетий Проживу и земным колдовством. (Скрывается.)

Вождь

(к Лере)

Что же, девушка? Ты отступила? Ты не хочешь Нетленного Дня? Лера

Только Гондлу я в жизни любила, Только Гондла окрестит меня. Вождь

Гондла умер. Лера

Вы знаете сами, Смерти нет в небесах голубых, В небесах снеговыми губами Он коснется до жарких моих. Он – жених мой, и нежный и страстный, Брат, склонивший задумчиво взор, Он – король величавый и властный, Белый лебедь родимых озер. Да, он мой, ненавистный, любимый, Мне сказавший однажды: люблю! – Люди, лебеди, иль серафимы, Приведите к утесам ладью. Труп сложите в нее осторожно, Легкий парус надуется сам, Нас дорогой помчав невозможной По ночным и широким волнам. Я одна с королевичем сяду И руля я не брошу, пока Хлещет ветер морскую громаду И по небу плывут облака. Так уйдем мы от смерти, от жизни. – Брат мой, слышишь ли речи мои? – К неземной, к лебединой отчизне По свободному морю любви.

Сноски 1 Эту цитату, как и цитату из самого Сыромятникова, Гумилев заимствовал из книги С. Н. Сыромятникова «Сага об Эйрике Красном» (С.-Петербург, 1890, стр. 14). В цитате из Ренана Гумилев допустил небольшое изменение: у Сыромятникова говорится о богатыре кимрском (так и у Ренана в подлиннике), а Гумилев пишет «богатырь кельтский». Кимры – коренные обитатели Валлиса. Кимрский (или кимрийский, как принято говорить сейчас) язык – то же, что язык валлийский, принадлежащий к одной из трех групп, входящих в языки кельтские. Заимствованное Сыромятниковым у Ренана место находится в его статье «La poesie des races celtiques», напечатанной впервые в журнале *Revue des Deux Mondes* 1 февраля 1854 г. и вошедшей потом в собрание его сочинений. Пользовался ли Гумилев какими-нибудь другими источниками, знакомился ли он с исландскими сагами и откуда он заимствовал имя героя, остается неизвестным. (Примеч. ред.)